

Паус получил рукопись летописи только в 1731 году, т. е. незадолго до написания им отчета, и занялся ее основательным изучением. Он правильно признал ее одним из лучших источников русской истории. Правда, он ошибся насчет автора: создателями хроники были многие очень осведомленные люди.

Паус позаботился также о комментарии и переводе летописи на латинский и немецкий языки и, как пишет он в своем отчете, передал их «в этом 1732 году в феврале месяце в канцелярию». Он надеялся на скорое напечатание этого труда. Но и здесь его надежды оказались напрасными: труд этот доныне хранится в его наследии ненапечатанным. По-видимому, введение и перевод, над которыми Паус столько работал, были использованы не только Миллером (что Паус утверждает со всей решительностью), но десятилетиями позже и А. Л. Шлёцером для его издания летописи Нестора.

Паусу не повезло в том, что все, кто использовал его труды, не были склонны воздать должное своему предшественнику, чтобы не делить с ним своей славы.

Паус подробно занимался «Степенной книгой», рукопись которой он редактировал и комментировал. Здесь ему тоже кажется, что историк Г. Ф. Миллер присвоил результаты его усердия и его авторскую славу. Потому он и старался в «Observationes» представить в истинном свете свои заслуги в области изучения русского языка, литературы и истории, чтобы не быть совсем отодвинутым на задний план. Миллер, который был гораздо моложе Пауса, явно стремился использовать материалы, собранные Паусом с беспримерным усердием. Особенную ценность для него могли представить латинские и немецкие переводы русских исторических источников, сделанные Паусом, так как они позволяли ему быстро продвинуться в исследовании русской истории и издавать «Sammlung russischer Geschichte».

Паус был совершенно растерян: русский Адодуров, по его мнению, не знает немецкого языка и притом издает введение в русский язык для немцев; немец Миллер не знает русского языка и издает сборник документов по русской истории. Как ни неприятно проступает все время склонность Пауса в его «Observationes», трагичность его пути как ученого отрицать невозможно. Те исторические принципы, которые Паус изложил в своих «Observationes» и основываясь на которых сам собирался издать сборник источников по русской истории, очень верны и заслуживают одобрения. Как явствует из уже приведенного к нему письма Родде от 1733 года, он не отказался от этого намерения даже при все возрастающей активности Миллера. Следует сожалеть, что Паусу так и не удалось самому